

DOI: 10.15643/libartrus-2016.3.2

**Аспекты изучения структуры тюркского корня и
характеристики типов односложных корневых основ
как отражение эволюционного процесса в развитии
агглютинативного строя тюркской словоформы**

© А. Г. Шайхулов

*Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*

Email: almazufa2004@mail.ru

Конечная цель сравнительного исследования односложных корней и основ в указанных языках – выявление их общесловарного фонда. Задача при этом заключается в том, чтобы предложить более или менее универсальный, наиболее общеприемлемый путь, методику в изучении их фоносемантических, морфонологических и идеографических систем. Естественно, данный подход должен быть методологически выверен и удобен для визуально-системного сопоставления указанных корней и основ в рамках словарного фонда близкородственных языков таксономического типа.

Ключевые слова: *корень, структура корня, основа, именная основа, глагольная основа, односложный корень, корневая морфема, прототип корня, первичные корни, корпус корневых основ, агглютинативные языки.*

Многочисленные публикации, так или иначе затрагивающие тему реконструкции структур тюркского корня и характеристики типов односложных корневых основ как отражение эволюционного процесса в развитии агглютинативного строя тюркской словоформы, свидетельствует об ее актуальности. Однако проблема структуры корня, особенно глагольной основы, в тюркских языках до сих пор окончательно не решена. По крайней мере, до сего дня далеко не все тюркологи согласны в вопросе: существуют ли в тюркских языках односложные глагольные корни, оканчивающиеся на гласный, т.е. корни типа [С+Г] (Согласная + Гласная). Одни тюркологи (Вл. Котвич) на основе сравнительного анализа тюркских и монгольских языков приходят к заключению, что структура корня в тюркских (и даже шире – в так называемых алтайских) языках может быть разных типов: от самых простых и односложных – [Г], [С+Г], [Г+С] – до более сложных – [С+Г+С], [(С)Г+С+С]. Другие ученые (Г. Вамбери, В. В. Радлов, И. А. Батманов, Н. А. Баскаков, А. М. Щербак и др.), напротив, утверждают, что только односложный корень, «классического» типа, состоящий из [С+Г+С], является типом древнейшей структуры корня, т.е. «типичным корнем» для тюркских языков. Ученые, придерживающиеся такого взгляда, считают, что классическим и почти единственным первичным типом корня в тюркских языках мог быть только тип [С+Г+С] (например, глагольные основы: *sal-*, *bar-*, *kel-* и т.д.). Сторонники этого взгляда отвергают в общем возможность существования в тюркских языках первичного односложного корня, оканчивающегося на гласный, типа [С+Г]. Таким образом, в данном вопросе являются принципиальные расхождения среди тюркологов и алтаистов (сравн.: [1]).

В частности, Н. А. Баскаков [2] считает, что типичным корнем для каракалпакского языка (и других тюркских языков) является, как уже выше было указано, корень, состоящий из [С+Г+С]. Этот тип корня представляет собой древнейшую структуру корня, из которой

позже развивались три других типа корня этой группы. Так, выпадение начального согласного в корне типа [Г+ С] является результатом дедукции начального согласного [С>+Г+С...]. В корне же типа [С+Г] последний согласный выпал: [С+Г+(С)]. Возражая против теории В. Котвича о первичной двухзвуковой структуре тюркского корня, Н. А. Баскаков в предисловии к книге Котвича Вл. [3], замечает, что теория о первичности двухзвуковых корней остается пока слабо мотивированной, и факт наличия во всех приводимых сторонниками этой теории примерах долгих гласных (например, в туркменском языке) не подтверждает, а противоречит действительному положению вещей и указывает на более сложный процесс образования в некоторых языках корней типа [СГ].

Эта мысль Н. А. Баскакова была развита, как отмечают и другие исследователи [4], в его более поздних трудах, в которых он утверждал, хотя и не очень уверенно, что гипотеза о первичности и типичности для тюркских языков корневой морфемы типа [СГ], а не [СГС] не подтверждается также и частотностью данного типа корневой морфемы в большинстве древних и современных тюркских языков. Почти полное отсутствие корней типа [СГС] и наличие подавляющего количества корней типа [СГ(С)] в каждом конкретном тюркском языке, – как в современном, так и в древнем, – и статистические данные соотношения их с корневыми морфемами других типов подтверждают, скорее, точку зрения о характерной для тюркских языков структуре корня, состоящей из закрытого слога с начальным и конечным согласным, т.е. о структуре типа [СГС]. Корни же иного типа, т.е. состоящие из [(С)Г(С)], [СГ(С)], [(С) ГС], [СГСС], [(С)ГСС] и пр., встречаются значительно реже и представляют собой, по всей вероятности, различные ступени развития фонетической структуры корневых морфем, исторически восходящих... к структуре типа [СГС]. В плане количественного соотношения Н. А. Баскаков [5] отметил, что структура [СГС] как в древних тюркских языках, так и в современных составляет свыше 76% всех структур корней.

В принципе допуская возможность в тюркских языках превращения трехфонемных односложных корней и основ в двухфонемные, мы в то же время не можем согласиться, вслед за А. Т. Кайдаровым [6], с категоричностью постановки вопроса об идеальном и исключительном положении односложных корней и основ типа [СГС], к которому возводятся все прочие разновидности корней. Во-первых, потому что эти изменения и сдвиги в структуре корней, как уже отмечалось, разноплановы и разнонаправленны: тип [СГС] и теоретически, и практически в языковом развитии вполне может превращаться в [ГС] или [СГ], впрочем, точно так же, как и последние могут, наоборот, перейти в тип [СГС]. В каждом конкретном случае они могут иметь свои причины. Во-вторых, всякие изменения корневых морфем в сторону расширения или сужения их структуры представляют собой, как известно, результат вполне закономерных фонеморфологических факторов, действующих на всем протяжении исторического развития тюркских языков. В таком случае формирование корней, согласно общепринятым структурным типам [Г], [СГ], [СГС], [ГСС], [СГСС], и последующее их перераспределение, как верно указывает А. Т. Кайдаров [6], относится к явлениям вторичного порядка, а потому и признание приоритета корней типа [СГС], к чему в свое время склонялся Г. Вамбери, не есть еще окончательное определение статуса изначального или пратюркского корня. Этот вопрос всегда был и до сих пор остается нерешенным до конца.

Занимая противоположную позицию изложенной выше концепции Н. А. Баскакова о первичности закрытосложных моносиллабов, в то же время А. Т. Кайдаров [6] признает домини-

рующее положение структуры [СГС] среди других типов односложных корней и основ в казахском и других тюркских языках на данном этапе их развития не только по количеству, но и по степени функциональной активности и древности. Но он, корень, испытал на себе, с чем мы полностью солидарны, сложный и длительный процесс агглютинативного развития тюркских языков, и вряд ли следует отнести его к изначальному, пратюркскому типу корней. Поэтому утверждение Н. А. Баскакова о трехзвучности тюркской корневой морфемы с обязательным закрытым слогом, на наш взгляд, нуждается в уточнении в хронологических рамках ее исторического развития. Также невыясненным кажется направление эволюционных изменений и развития структуры корня: от простого к сложному или, наоборот, от сложного к простому, или то и другое одновременно (сравн.: [6]).

Идея Н. А. Баскакова, заложенная в основу его учения о корнях, с одной стороны, важна в том смысле, что она может служить или точкой опоры, от которой можно отталкиваться исследователям во всех своих поисках, или конечной точкой, к которой они, возможно, придут в результате таких изысканий (надо заметить, что эта идея в последнее время находит себе немало сторонников среди молодых ученых), а с другой – представляет интерес в том плане, что в ней нашли свое отражение такие аспекты изучаемой проблемы, как структура и структурные типы моносиллабов, первообразные и вторичные корни, внутренние изменения и фонеморфологические факторы (односложность/неодносложность, разложимость/неразложимость, самостоятельность/несамостоятельность, устойчивость/неустойчивость, семантическая изменчивость/неизменчивость) и др. (сравн.: [6]).

Компромиссное решение данной проблемы о первичности закрытосложных моносиллабов также имеет право на существование. В частности, И. В. Кормушин [7] совершенно справедливо пишет, что разрешение подобных вопросов требует постоянного привлечения количества фактов и всесторонней проверки гипотез. Так, названная проблема второго корневого согласного может получить иное решение, если предположить, что на разных этапах праязыкового состояния (здесь автор опирается на мысль Э. А. Макаева о необходимости «хронологической стратиграфии») существовали корни типа [СГ] (I-й этап), которые впоследствии получили приращение: [СГ+С] > [СГС] (II-й этап), после чего уже у некоторых корней произошло падение второго согласного. Иными словами, указанные выше гипотезы, по мнению И. В. Кормушина, быть может, и не являются взаимоисключающими.

Первым ученым, указавшим на возможность возведения ряда тюркских корней к прототипу [СГ], был, как известно, В. В. Радлов. В своем теоретическом исследовании «Вводные мысли к описанию морфологии тюркских языков» (1906) он изложил учение о сплавлении морфологических элементов тюркского слова. Эта теория явилась итогом многолетнего успешного изучения дешифрованных в конце прошлого века енисейско-орхонских рунических и древнеуйгурских памятников, а также языков малых тюркских народов Сибири. При сопоставлении данных памятников и языков малых народностей с данными языков, прошедших долгий путь литературного развития, таких как узбекско-чагатайский, турецко-османский и др., нельзя было бы не заметить, что морфологические элементы тюркского слова на протяжении своей истории «разрастаются», т.е., по мнению В. В. Радлова, «аффиксы сплавляются с основой и между собой в новые аффиксы, которые активно распространяются и вызывают новые аналогичные образования». Это позволило, по мнению И. В. Кормушина [7], В. В. Радлову (1903) утверждать, что «мы можем далее наблюдать при рассмотрении односложных тюркских основ, что некоторые односложные всеобщие распространенные основы

вовсе не следует считать корнями; напротив, они возникли из сплавления исчезнувшей основы с каким-либо основообразовательным аффиксом». В качестве примеров В. В. Радлов приводит **баг < пак** – «завязка, связка как образование с аффиксом **-к** от глагола **па-** «завязывать», зафиксированного в «Кутадгу билик», и глаголы **сык-** «разрушать», **сын** – «разрушать», встречающегося в енисейско-орхонских памятниках [7].

Внешне очевидно, что эта мысль В. В. Радлова о фузии (сращивании грамматических показателей с основами) импонировала многим – на его учение опирался в свое время сам Г. И. Рамstedт (1912), а в более позднее время – Э. В. Севортян (1961) и А. Н. Кононов (1971) и др., тем самым став общепризнанной. Однако, как справедливо указывает И. В. Кормушин [7], в немногих работах в сферу этого явления попадает и второй согласный корня. Ср., например, у Э. В. Севортяна: в тур. **иу-** «сообразоваться, согласоваться, подходить, соответствовать, быть к лицу» и **из** «подходящий, подобающий, приличествующий, конечные согласные «у – в глаголе и „z“ – в имени, возможно, являются словопроизводными показателями» [8].

Несмотря, однако, на относительную изученность данного явления, в языковой природе тюркского корня все еще, как известно, остается много неясного и неопределенного, а в научном обиходе продолжает бытовать неоднозначная трактовка структуры и состояния корня на разных этапах исторического развития агглютинативного строя тюркских языков. Существующие определения статуса тюркского корня как неразложимой лексемы в плане диахронии все еще носят гипотетический характер, так как производность либо непроизводность той или иной собственно тюркской лексемы при глубоком сравнительно-историческом исследовании применительно к конкретному тюркскому языку или периоду его агглютинативного развития оказывается, как верно отмечают некоторые исследователи [9], понятием относительным. Следовательно, синхронный аспект анализа и определения тюркского корня на каком-либо этапе его развития не вносит полной ясности в вопрос о его исторической природе, в том числе в вопрос о членимости-нечленимости на составные элементы. В связи с этим выводы отдельных ученых, базирующих свои наблюдения на относительно небольшом количестве фактов современных тюркских языков и тем более не всегда при этом учитывающих базисную и периферийную лексику в полном ее объеме, относительно возможности/невозможности глобального членения дву- и многосложных основ не могут быть признаны, по справедливому мнению исследователей, исчерпывающими и окончательными [9].

Между тем, как известно, некоторые исследования убедительно доказывают, что в современных тюркских языках не только многие дву- и трехсложные, но и односложные корни-основы как продукт длительного агглютинативного развития представляют собой не что иное, как некогда самостоятельные морфологические элементы языка, слившиеся в единое целое в силу действующих в нем фонетических, морфологических и семантических закономерностей и не поддающиеся на данном этапе членению на составные части [9].

Принимая во внимание происходившие на протяжении длительных периодов развития языка вышеотмеченные процессы, мы, вслед за исследователями, считаем возможным указать на допустимость», по терминологии Ж. А. Манкеевой [9], динамического подхода к теории корня. Согласно этому подходу, корень, будучи единицей онтологического уровня, должен подвергаться постоянным преобразованиям, что в значительной степени исключает возможность существования в языке на одном и том же хронологическом уровне одной единственной модели корня. Из этого следует, что приведение выделяемых в тюркологии корневых структур [ГС], [ГС] и т.п. только к одной лишь модели сводит воедино структуры разных хронологических уровней.

У большинства исследователей существование тюркских корней структур типа [Г], [СГ], [ГС], которые являются самыми простыми среди других типов односложных структур, как известно [4], не вызывает сомнения, что отмечено В. Котвичем, Н. А. Баскаковым, Б. М. Юнусалиевым, А. Зайончковским и др. В частности, А. Зайончковский [1] посвятил свою статью обоснованию и иллюстрации тезиса о существовании в тюркских языках первичной односложной глагольной основы типа [С+Г]. Возражая против тезиса Н. А. Баскакова, он указал, что наличие расхождений точек зрения «уже само по себе показывает, что проблема структуры корня в тюркских языках все еще остается дискуссионной». Собранный А. Зайончковским лично и имеющийся в Институте востоковедения Польской АН лексический материал «не оставляет сомнения в том, что в тюркских языках, особенно в старших средневековых памятниках, выступает довольно большое количество односложных глагольных корней типа [С+Г]». В подтверждение своей точки зрения он приводит 11 корней типа [G+Г] : *ба+r* и связывающий»; *йу-* «мыть»; *йи-, йе-* «есть»; *ку-* «охранять»; *ка-* «складывать»; *ко-* «поставить»; *са-* «считать»; *сы-* «разрушать»; *су-* «тянуть»; *ти- //те-* «говорить»; *ту-* «загружать». А. Зайончковский, как отмечает К. М. Мусаев [4], подробнее, чем его предшественники, разработал методику восстановления первоначального корня путем сопоставления основ. Вместе с тем он не считает, что все глаголы следует свести к типу [СГ]. А. Зайончковский приходит также к выводу о существовании четырех типов односложных корней в тюркских языках, это [Г], [ГС], [СГ] и [СГС].

Кратчайшей формой тюркского корня, по мнению А. Н. Кононова [10], является корень, состоящий из трех типов: [Г], [СГ] и [С]. Относительно весьма распространенного в современных тюркских языках корня типа «согласный + гласный + согласный» (СГС), он пишет, что морфологический анализ в большинстве случаев определяет третий элемент (т.е. конечный согласный) как залоговый показатель (при глагольных корнях) или как словообразовательный аффикс (при именных корнях).

Для древнейшего диалекта тюркского языка-основы Б. М. Юнусалиев устанавливает следующие четыре типа односложных корней: 1) [Г]: *у* «сон», *о-* «думать»; 2) [СГ]: *са-* «считать», *жу-* «грузить», *сы* «ломать», *бе+n* «я», *би+z* «мы»; 3) [Г+С]: *ат* «конь», *ал-* «брат», *ас-* «повесить», *ап-* «зверь»; 4) [С+Г+С] : *кел~* «приходить», *кет-* «уходить», *суг* «вода», *даг* «гора». Вместе с тем, как это отмечает и К. М. Мусаев [4], автор делает оговорку, утверждая, что тип [СГС] «носит во многом условный характер, ибо, как мы видели на примере *жах-, жан-, жал-*, многие современные слова этого типа могут быть расчленены по мере расширения наших познаний по исторической грамматике». Вслед за Б. М. Юнусалиевым и К. М. Мусаевым, мы также утверждаем, что в тюркских языках, в частности, в татарском и башкирском языках, существуют немало глаголов, например, *кил-* // *кел-, кет-* // *кит-* и др., в которых можно со всей определенностью выделить корень и залоговые аффиксы (*кел+л* // *ки-\-л*, // *ки+т*).

В. Котвич (1962), в отличие от Б. М. Юнусалиева, выделил уже пять типов корней, т.е. к вышеприведенным четырем [Г >, СГ, СГС, С>ГСС] добавил пятый тип – [(С)ГСС], который, по его мнению, вероятно, не совсем соответствовал основным принципам строения слов в алтайских языках. Сам В. Котвич отмечает, что в типе [(С)ГСС] предпоследний согласный обычно бывает сонантом «г» или «ғ». Как правило, этот тип слога представлен односложными словами и встречается в конце многосложных слов. Однако, как справедливо уточняют исследователи, данный тип (вернее, здесь два типа – [СГСС] и [ГСС]), широко употребляется в таких

звукоподражательных словах, как: каз. *сарт, жарк, тарс, жалт, таңк, аңк, еңк, елт*; тат. и башк.: *шарт, терт, көрт, гөлт, йалт, пылт, сөрт, һөрт* и т.д. [4].

Как отмечают и другие авторы, тюркские языки сохранили древние типы структуры корня до наших дней. Структура корня в древнетюркских памятниках и современных тюркских языках имеет в основном одни и те же типы, что говорит о консервации тюркскими языками древних типов структуры корней в течение тысячелетия и, по-видимому, о сохранении современными тюркскими языками структуры пратюркского корня (сравн.: [4]).

Выше уже нами отмечалось, что в тюркологии наряду с той или иной трактовкой о первичности или непервичности закрытосложных моносиллабов выявились такие не менее спорные и не менее важные аспекты этой проблемы, как трактовка об односложности, разложимости, самостоятельности, устойчивости и семантической изменчивости односложных корней и основ, которые в специальных исследованиях в той или иной мере, как известно, нашли свое отражение в упомянутых работах Н. А. Баскакова, А. Н. Кононова, Э. В. Севортыяна, А. Т. Кайдарова и др.

В начале, очевидно, необходимо в самой краткой форме привести только некоторые точки зрения тюркологов в вопросе трактовки и употребления понятий «корень», «основа», о которых достаточно подробно изложено в главе фундаментальной работы А. Т. Кайдарова [6], специально посвященной всестороннему анализу и характеристике односложных корней и основ в казахском языке, составляющих, как известно, базисную часть лексического богатства любого языка мира.

Понятие «корень» и его осмысление применительно к строго тюркским языкам до сих пор не получило своего полного, объективного, четкого определения. По мнению исследователей, наиболее существенная особенность корня – его историческая изменчивость и сохранение или угасание его отдельных формантов и т.д. – находит свое отражение в следующем определении А. Н. Кононова: «Корень слова – понятие историческое в том смысле, что структура корня изменяется в зависимости от ряда обстоятельств, и в первую очередь от сохранения или угасания словотворческой способности отдельных формантов; известно, например, что в современных тюркских языках исходной основой для образования глагола *bajla-* «связывать» служит имя существительное *baj* «связка», «узел» состоящее из глагола *ba-* «связывать» + афф. от глагольного имени существительного *-j/-g*; сравн. еще: *ba+n* «обвязываться», *ba~n-* «быть связанным»; *öğren-* «учиться» < *öğ* «разум, < *ö-* «думать»; *sana-* «считать, < *san* «счет» < *sa-* «считать» (> *san-* «считаться») [10].

Примечательна с точки зрения новизны мысль об особенностях тюркского корня, высказанная К. М. Мусаевым (1964), который отмечает, что корни или непрямые основы не обладают никакими отличительными признаками, по которым их можно было бы с уверенностью отнести к какой-либо части речи. Иначе говоря, внешний облик корня или производной основы сам по себе не говорит о принадлежности их к той или иной части речи. Например, *at* «лошадь», «конь, и *at-* «стрелять», «бросать», «кидать»; *at* «имя», «кличка», «название», хотя и относятся к разным частям речи, но по своим формальным признакам ничем друг от друга не отличаются.

Как известно, в тюркологической литературе существуют десятки определений корня, однако ни одно из них, по справедливому определению исследователей, не отражает сути всех особенностей именно тюркского корня. По крайней мере, так обстояло дело до недавнего времени, и в этом мы, вслед за А. Т. Кайдаровым, усматриваем две причины: с одной

стороны, к природе тюркского корня и его научной интерпретации ученые подходили с позиций европейских, механически перенося на тюркские языки понятия «корень» и «основа», характерные, очевидно, только для индоевропейских языков (сравн.: [11]), с другой – в определении научного статуса тюркского корня все еще сказывается недостаточная изученность его природы с привлечением обширного материала по всем тюркским (и шире – алтайским) языкам (сравн.: [6]).

Отрицательные последствия евроцентрического подхода к определению тюркского корня прежде всего проявляются, по мнению акад. А. Т. Кайдарова, в смешении или нечеткой дифференциации понятий «корень» и «основа» в тюркских, мы бы добавили со своей стороны – и алтайских языках. Дело в том, что традиционное представление корня как «неразложимой части слова» и основы как «производного» от него (корня) образования, к сожалению, было принято почти всеми тюркскими языковедами для определения сходных понятий. При этом, правда, необходимо уточнить, что определения корня и основы в научной и специальной литературе зачастую сопровождаются различного характера оговорками, которыми авторы, очевидно, стараются восполнить полное или частичное их несоответствие сути определяемого (сравн.: [6]).

Не вдаваясь в подробности всех существующих точек зрения на природу тюркского корня (ибо это – предмет специального исследования, к тому же суть почти всех определений в основном повторяется), отметим: специфика тюркского корня и слова в целом заставила ученых, занимающихся этой проблемой, отказаться, и это отмечают многие авторы, от прямолинейного и несколько упрощенного осмысления, когда структура слова в тюркских языках рассматривается как состоящая из двух элементов – основы и окончания [12]), причем под основой понимается цельная и неразложимая часть слова, т.е. корень.

Иначе дается толкование этих понятий в трудах Н. А. Баскакова [5]. В частности, согласно утверждению ученого, корень слова в сочетании с аффиксами лексико-грамматического словообразования образует **первую основу**, а в сочетании с аффиксами функционально-грамматического словообразования – **вторую основу**. Иначе говоря, морфологическая структура слова в тюркских языках может состоять из двух разновидностей основ – первичной и вторичной; и в том и в другом случае корень, как базовый элемент, присутствует обязательно.

Это, несомненно, новый шаг в изучении структуры тюркского слова, в котором уже четко дифференцируются корень и основа, где основа, в свою очередь, выступает в зависимости от функции словообразовательных аффиксов как первичная или вторичная [6]. В работе К. М. Мусаева [4] данный дифференцированный подход к характеристике слова, как известно, получает свое развитие в детализации структуры корня, и который, в частности, отмечает, что слово в караимском языке морфологически может состоять как из чистой основы, так и из основы и словоизменяемых морфем. Основа, в свою очередь, может состоять из чистого корня т.е. не подвергаться дальнейшему членению, и из корня и словообразовательных морфем.

По справедливой оценке исследователей, данная трактовка, отражающая собой современную тенденцию теоретической оценки структуры тюркского корня, в большей степени отражает ее сущность, чем другие определения. Действительно, пишет А. Т. Кайдаров [6], корень как наиболее устойчивый звуковой комплекс в структуре основы или слова, являющийся ядром всей базисной лексики, может быть признан в плане диахронии **как неразложимая** (по терминологии К. М. Мусаева – «чистая»), так и разложимая на морфологические части величина.

Из множества определений, данных понятию «корень», нам более импонирует формулировка А. Т. Кайдарова, которая гласит, что тюркский корень есть наидревнейшая и историческая реальная единица языка, сохраняющая свою суть, несмотря на постоянные фоно-морфосемантические изменения, происходившие в процессе агглютинативного развития строя тюркских языков. Он может структурно совпадать с первообразным словом, если оно не превышает одного слога. Во всех остальных случаях тюркский корень выступает как производная единица языка, где корень отражает в себе состояние статики, а слово – динамики [6].

Исходя из осмысления приведенных определений к таким понятиям, как «корень», «основа», мы, в свою очередь, предлагаем наше определение понятия корневой основы, которая является результатом исторического и когнитивного симбиоза, представляющей собой одновременно двоякую ипостась: с одной стороны, корень, отражающий в себе состояние статики, и в плане диахронии как неразложимая далее на морфологические части, т.е. чистый корень, а с другой – в плане динамики – тот же корень, но в процессе дальнейшего агглютинативного развития отягощенный какой-либо грамматической относительностью, первоначально чистая форма которой в плане диахронии может быть реконструирована соотносительно семантики первоначального чистого корня.

Исходя из вышепроанализированного материала, а также базируясь на тюркологических исследованиях ряда авторов (см., например, К. М. Мусаев [6]), структурные модели односложных тюркских корней можем рассматривать в рамках следующих четырех типов:

I-й тип: одноэлементные корни (вполне возможно, что некоторые из них возникли из более сложной структуры корня), которые состоят из одного гласного – [Г]: *и* (тат.) // *эй* (башк.) – «склони, наклоняй»; *у* (тат.) // *уу* (башк.) – «натирать, натереть; растереть».

II-й тип: двухэлементные корни (здесь, по мнению и других авторов, возможно возникновение некоторых из них либо из более простого типа в результате наращивания аффиксом, либо из более сложного типа в результате выпадения начального или конечного элемента). Эта модель имеет, очевидно, два типа: 1) [ГС] (часть корней этого типа могла возникнуть, по мнению К. М. Мусаева, из типа [СГС] в результате выпадения начального согласного, как это, например, произошло в огузских языках с глаголом *бол-*, который перешел в *ол-*). 2) [СГ] (часть корней этого типа могла возникнуть из типа [СГС] в результате выпадения конечного согласного. Сравн.: *ти-* (тат.) // *тей-* (башк.) – «трогай; дотрагиваться»; *чи* (тат.) // *сей* (башк.) – «сырой; неспелый»; *ки-* (тат.) // *сей-* (башк.) – «надень».

III-й тип: трехэлементные корни, которые также имеют два подтипа: 1) [СГС] (часть корней этого типа могла, очевидно, возникнуть в результате наращивания аффиксом из двухэлементного типа [СГ]. 2) [ГСС] (где имеются, по мнению К. М. Мусаева, твердые правила в отношении сочетания согласных – предшествующий согласный должен быть сонантом, обычно – *л, р, ц*, реже – *н, м, й*, а второй согласный – конечный – глухим: *с, т, к, х*. Возможно, что часть из подобных корней происходит от структуры [ГС] как результат присоединения аффикса). Сравн.: с одной стороны – *ди* (тат.) // *ти, тей* (башк.) – «говорит, мол» – употребляется в обоих языках в значении вводного слова, а с другой – *дип* (тат.) // *тин* (башк.) – «что, чтобы; точно, так» – употребляется в обоих языках в значении союза «что, чтобы», а также: *илт-* (тат., башк.) – «отнести»; *урт* (тат., башк.) – «полость между зубами и щекой, десна»; *ас(т)* – в обоих языках в значении «низ, нижний».

IV-й тип: четырехэлементные корни, которые имеют лишь одну модель [СГСС], где конечные согласные подчиняются правилам структуры типа [ГСС]. Большинство подобных корней,

как отмечает К. М. Мусаев, представлены подражательными (звуко- и образо-) словами. Например: *кырт* (тат., башк.) – «резко»; *шырт* (тат., башк.) – подраж. слово, выражающее значение слабого треска, щелчка и т.д. (сравн.: [4]).

В качестве краткого резюме в вопросе решения о древности тех или иных корней, на наш взгляд, правы те исследователи, которые утверждают, что первичные тюркские корни не были однотипными, а состояли из нескольких вариативных типов: [Г], [СГ], [ГС], [СГС], [СГСС], [ГС]. Все эти типы представлены, помимо прочего, подражательными словами и междометиями, которые относятся, как известно, к наиболее древним слоям лексики, сохранившимся в первоизданном виде до наших дней: их нельзя возводить к производным от других корней.

Исследователи правы, когда особо подчеркивают, что дальнейшего углубленного исследования требует количественное соотношение гипотетических первичных имен, глаголов, а также подражательных слов и междометий по структурным типам корня, установление гипотетически производных типов [ГС], [СГС] и т.д. среди них (сравн.: [4]).

В корпусе корневых слов современных кыпчакских языков Урало-Поволжья, по нашим предварительным подсчетам (см. сводную таблицу), наличествуют около 6 тыс. односложных корневых основ, часть которых приходится на половину этимологически затемненных, т.е. несамостоятельных единиц. Помимо них в указанных языках насчитывается достаточно большое количество и двухсложных единиц различного происхождения типа *ата* (т., б.) – «отец»; *ана* (т.), *аса* (б.) «мать», *ара* (т., б.) – промежуток, расстояние; промежуток времени; отношения, взаимоотношения; круг, среда, окружение; *бала* (т., б.) – «ребенок», *кара* (т., б.) – «черный»; смотреть; *кышла-* (т., б.) – «зимовать» и др.

По существующей в тюркологии традиции все эти двусложные единицы, как известно, относятся к категории корневых слов. По сути, проблема изначальной односложности (или не односложности) корневых основ, очевидно, будет длиться до тех пор, пока не будет выявлено (пусть даже при первом приближении) реальное число этих двусложных единиц в каждом из исследуемых языков (или шире – во всех тюркских языках) и выяснено, что они действительно генетически двусложны или, наоборот, представляют собой, как уже отмечалось, результат агглютинативного развития лексико-семантической структуры этих языков.

В связи с этим отметим, что взгляды ученых по данному вопросу развиваются: одни, которые отстаивают «моносиллабическую монолитность тюркского корня» (терминология А. Т. Кайдарова), членят неразложимые с точки зрения современных познаний об эволюции корня – основы в тюркских языках образования типа *кара* – «черный», *кара* – «смотреть», *бала* – «ребенок, дитя» на корневую (*кар-*, *кар*, *бал-*) и аффиксальную морфемы, несмотря на то, что и для исследователя истории языка независимо от его убеждений, по мнению авторов, эти элементы весьма и весьма гипотетичны. Другие же указанные диссиллабы считают исконными, что в известном смысле соответствует точке зрения отдельных алтаистов о структуре общеалтайской проформы [7, 13].

Некоторые тюркологи, вслед за В. В. Радловым, Ж. Дени и др., приходят к выводу, что двусложные и многосложные корни в тюркских языках представляют собой результат осложнения односложных, т.е. они могут быть квалифицированы как таковые только в плане синхронии, в плане же диахронии – это изолированные от системы семантически, но примыкающие к ней этимологически производные основы, нередко довольно легко поддающиеся этимологическому анализу [9, 14].

Большинство тюркологов, изучающих структуру слова в тюркских языках, склонны считать корневую лексику с определенными оговорками преимущественно односложной, что чисто логически составляет известное место в системе корневой лексики также и для двусложных, многосложных корней. Как справедливо указывают исследователи, к данной оговорке ученые вынужденно прибегают в силу ряда объективных обстоятельств, и прежде всего, по причине недостаточной изученности структуры корневых морфем – на основе глубокого зондирования и выявления всего объема и многообразия фактов живых и мертвых тюркских языков. Следовательно, такая оговорка рано или поздно должна быть снята в пользу того утверждения, что исконно тюркская корневая морфема характеризуется преимущественной односложностью своей структуры, а двусложными могут выступать чаще основы, представляющие собой дальнейшее агглютинативное развитие корня.

В этом нас убеждают результаты уже проведенных учеными исследований в области тюркского корня (Ф. Джалилов, Е. Кажибеков, Ж. Манкеева и др.), в которых все больше и больше подвергаются расщеплению двусложные основы на корневые и производные элементы, казавшиеся до недавнего времени цельными и нерасторжимыми (сравн.: [6]).

Аспекты установления односложности или неодносложности исконно тюркской корневой морфемы прямо связаны с характеристикой о разложимости или неразложимости указанных корневых основ. В нашей работе мы совершенно сознательно употребляем данный термин «корневые основы», имея при этом в виду достаточно большую и прозрачную близость корневой морфемы с основой по ряду своих признаков и структурных соответствий в тюркских, в том числе в татарском и башкирском языках.

При этом, однако, следует в начале оговориться, что в термины «разложимость» и «неразложимость» тюркологи до недавнего времени вкладывали понятие «членимость» слов на корневые и производные морфемы. В частности, утверждалось: «Для структуры тюркских языков характерно, что каждое слово имеет четко выраженное членение на корневую и аффиксальную морфемы, а также определенно выраженное слоговое членение» [5].

Однако, как это отмечается в специальной литературе, возникает законный вопрос: всегда ли двусложные лексические единицы в тюркских языках поддаются такому членению, так как есть немало примеров, которые даже при самом строгом анализе и этимологической реконструкции не раскладываются на какие-либо составные части (сегменты), поддающиеся восприятию носителями того или иного тюркского языка [6].

Первичность односложных корней в тюркских языках если считать вполне доказанной, то в изучении структуры дву- и трехсложных основ наиболее важной должна быть признана проблема выяснения структуры и природы второго и последующего слогов, который в одном случае, как известно, может быть результатом действий агглютинативного процесса и служить объектом морфологии, а в другом – внутренней эволюции чисто фонетического характера. Следовательно, тезис о «сплошном», «беспрепятственном», «четко выраженном» и прочем членении (двусложного и многосложного) слова не подлежит абсолютизации и распространению на всю лексику языка.

Это особенно приложимо, как отмечают и другие авторы, к базисному пласту лексики – обще- или межтюркскому слою односложных архетипов, за исключением отдельных сращенных вариантов, например: *арт* (т., б.) – «спина», (< *ар + т); *айт-* (т., б.) – «сказать, говорить» (< *ай + т; *кайт-* (т., б.) – «возвращаться» (< *кай + т); *бек* (каз.) – «крепкий» (< *бер* + *ик*) и т.д. Как

выяснилось, теоретически вполне допустимы как стяжения дисиллабов в один слог, так и растяжение моносиллабов (исходных в таком качестве!) до двух слогов. Все это, естественно, значительно осложняет работу ученого, пользующегося традиционными приемами помодельного членения на пратюркском уровне, с одной стороны, и актуализацией исследования в этом направлении – с другой [6].

Как известно, в тюркологических штудиях, особенно в последние два-три десятилетия, членение односложных корневых основ (имен и глаголов) на более мелкие лексико-грамматические элементы считается относительно новой (но уже имеющей своих сторонников) постановкой проблемы, на которую до недавнего времени многие смотрели достаточно скептически. Между тем этот вопрос на сегодняшний день не только вызывает интерес исследователей, но является и объектом самого пристального осмысления. В результате дальнейшего расщепления односложных корневых основ на более мелкие морфемы и грамматические форманты, лишенные своей былой функции и слившиеся с ней в одно целое, за последнюю четверть века в тюркологии выявлены сотни новых таких «расчлененных» корней-основ. Это убедило многих ученых (сравн.: [15]) в возможности проведения подобной операции для поиска и приведения более убедительных аргументов, которые пришли к выводу о том, что односложные корни представляют собой категорию историческую и иногда могут быть разложимы даже на материале одного языка.

Таким образом, разложимость односложных корневых основ, с одной стороны – вполне реальный факт, о чем в свое время писал В. В. Радлов (1906): «...мы можем далее наблюдать при рассмотрении односложных тюркских основ, что некоторые всеобщие распространенные основы вовсе не следует считать корнями, напротив, они возникли из сплавления исчезнувшей основы с каким-либо основообразовательным аффиксом», а с другой – сегмент слова, рассматриваемый как корень в одну языковую эпоху, может оказаться для предшествующего периода сложной единицей (основой или словом), и, наоборот, сложная единица на данном этапе развития для последующего этапа оказаться простой и неразложимой. Как бы то ни было, односложный корень-основа, по мнению Б. М. Юнусалиева [16], чаще всего выглядит как волнообразное повторение процессов агглютинации.

Все это дает основание говорить о реальной возможности членения корневых основ на соответствующие лексико-грамматические сегменты или представить такую возможность в теоретическом плане, хотя, по справедливому замечанию А. Т. Кайдарова [6], видеть во всех без исключения типах односложных корневых основ производную структуру было бы неправильно.

Вполне понятно, что проблема разложимости и неразложимости в определенном смысле может быть раскрыта в плане выявления таких характерологических их черт, как самостоятельность и (или) несамостоятельность односложных корневых основ. Сразу же необходимо уточнить, что здесь имеется двоякое осмысление, суть которого сводится к следующим трем моментам.

Во-первых, если понимать под так называемой «самостоятельностью» рассматриваемых (в кыпчакских языках Урало-Поволжья и в целом – в тюркских языках) их функциональную автономность, прозрачность их морфологической структуры и готовность к воспроизведению в любой жизненный момент и т.д., то такими особенностями обладает примерно две третьих части из всего возможного числа этих единиц в любом тюркском языке. Иначе говоря, одна третья часть всех теоретически возможных односложных корневых основ во всех своих

разновидностях (как этимологически затемненные, модифицированные, консервированные, мертвые и др.) относится к разряду несамостоятельных.

Во-вторых, если же судить об этом по монополюльно употребляющимся в каждом тюркском языке односложным корневым основам, которые находятся в наиболее активном запасе словарного состава, то действительно можно говорить о самостоятельности данной категории.

И, наконец, в-третьих, при этом не учитывать другую часть корневой лексики, которая, хотя и лишена своей монополюльности, но испокон веков функционирует в языке, находясь уже в структуре производных слов или устоявшихся словосочетаний, никак нельзя.

Не функционирующая ныне часть корневой лексики в тюркских языках (при наличии ее разновидностей) объединяется, как известно, общим термином «мертвые корни».

Вслед за другими авторами отметим, что понятие «мертвые корни», «мертвые основы» не лишено известной условности, ибо оно далеко не равнозначно понятию «бесследное исчезновение» или безвозвратная их утрата тем или иным тюркским языком. Большая часть так называемых «мертвых корней» сосуществует в языке, как известно, с живыми и продолжает участвовать в процессе словотворчества.

Иначе говоря, омертвевшие корневые основы живут в языке, на что первым из тюркологов указывал Б. М. Юнусалиев [16], говоря, «омертвевшие корни не исчезают бесследно. Они лишились лишь лексической самостоятельности, но их звуковая материя продолжает жить в той или иной форме в основе новобразованных корневых слов. Здесь отношение корня (напр., *ба-*, *сы-* и др.) к производным от него корневым словам (*баг* – др.-кирг., *бан-*; *сын-*, др.-уйг. *сыт-*) несколько напоминает отношение зерна к выросшим из него новым зернам. Каждая новообразованная форма может стать, подобно корню, основой для дальнейшего словообразования. Так же, как и корень, производная форма может утратить лексическую самостоятельность».

Надо полагать, что все то, что сегодня перешло в исследуемых кыпчакских языках Урало-Поволжья (как, впрочем, и во всех тюркских языках) в пассивный запас их лексического строя, некогда было вполне активным и жизнеспособным. Поэтому, по удачному определению А. Т. Кайдарова [6], их «устарение» заложено во внутренних закономерностях развития, а не есть результат «морального устарения или «физического износа», как это бывает в материальном мире. Это явление и представляет определенный интерес в изучении процесса исторического развития структуры корня в тюркологии, в которой наличие «мертвых корней» по-разному, но признают почти все те ученые, которым приходилось изучать структуру корня на большом языковом материале. При этом одни из них считают «мертвыми» те корневые элементы, которые не употребляются в языковой практике самостоятельно, другие – те, которые не поддаются вычленению из состава производной основы. Это, по существу, одно и то же, ибо, как известно, невычленимые корневые элементы не могут быть употреблены в языке самостоятельно.

С проблемой установления самостоятельности или несамостоятельности корневых основ, очевидно, в той или иной мере связан также и вопрос их устойчивости и (или) неустойчивости. Как известно, большинство ученых, занимающихся изучением тюркского корня, его структуру считает устойчивой. Однако, если понимать под «устойчивостью» односложных корневых основ их структурную стабильность, неизменяемость и постоянное сохранение заданной морфологической формы или звукового облика и т.д., то этими качествами они в масштабе тюркской языковой стихии не обладали. Скорее всего, пишет А. Т. Кайдаров [6], мы

имеем дело с постоянно изменяющейся, если не сказать «непостоянной» и гибкой, категорией языковых единиц.

В тюркологической (да и в алтаистической) литературе, как известно, принято считать, что по сравнению с индоевропейскими языками, возникшими якобы в процессе гипертрофии флексии по пути к рациональной агглютинации, как стремление к идеалу, тюркские языки прежде всего характеризуются прозрачностью морфологической структуры, стойкостью звукового облика и состава корневых морфем. Именно на этом основании исследователи полагают, что реконструкция корня в агглютинирующих языках значительно легче осуществляется, чем в индоевропейских, где в силу указанных выше причин первоначальные корни изменились до неузнаваемости. В частности, еще Н. С. Трубецкой [17] говорил о необходимости признать, что часто агглютинирующие языки алтайского типа с небольшим инвентарем экономно использованных фонем, с неизменяющимися корнями, отчетливо выделяющимися благодаря своему обязательному положению в начале слова и с отчетливо присоединяемыми друг к другу всегда вполне однозначными аффиксами и окончаниями представляют из себя технически гораздо более совершенное орудие, чем флектирующие языки.

С такой постановкой вопроса, это отмечают и другие исследователи, однако, полностью согласиться невозможно по той причине, что исследованные односложные корни и основы в тюркских языках убеждают тюркологов в том, что характеристика фонеморфологической структуры тюркского корня в его эволюционном процессе развития как «прозрачной», «чистой» и «устойчивой» была бы слишком категоричной. И причиной тому – односложные корневые основы в тюркских языках, употребляющихся, как нами выше уже говорилось, частью самостоятельно, частью только в структуре производных слов, функционирует преимущественно в различных (фонологических) вариациях и всегда поддаются идентификации и установлению между ними гомогенных отношений. Другими словами, можно сказать, что варьирование в кыпчакских, как, впрочем, и во всех тюркских языках, приобретает тем самым столь сложный и глобальный характер, что об «устойчивости и «прозрачности» тюркского корня говорить, очевидно, уже не приходится (сравн.: [6, 9, 18–19]).

А. Т. Кайдаров [6], автор широко известной монографии, посвященной всестороннему изучению односложных корней и основ, составляющих базисную часть лексического богатства казахского языка, вполне справедливо указывает, что вариативность, свойственную тюркскому корню, нельзя, с одной стороны, рассматривать только как результат случайных изменений (наоборот, варьирование как исторический процесс реализуется по строгим законам общей и частной фонетики тюркских языков в определенной хронологической последовательности, в рамках фонеморфологических закономерностей конкретных языков), с другой – это может быть правильно понято и интерпретировано не путем противопоставления его строю флективных языков, а в результате глубокого и фронтального изучения фактов всех тюркских языков [6].

При определении статуса корня в кыпчакских языках Урало-Поволжья в рамках трехмерной их структурной характеристики, о первых двух из которых мы отчасти говорили выше (о фонологической и морфонологической), есть, как известно, не менее важный – третий аспект – семантический, которому исследователи, к сожалению, не всегда придают, как нам кажется (сравн.: [6]), должное значение.

На наш взгляд, смысловая сторона любой тюркской лексической (апеллятивной) единицы и тем более – корня – очевидно, очень важный, если не самый главный фактор в рамках

указанной трехмерной характеристики, ибо она, по справедливому определению авторов, определяет прошлое, настоящее и дальнейшее развитие тюркского корня.

В этом плане тюркологи, рассматривая проблемы семантической структуры корня, пытаются выяснить степень устойчивости или изменчивости, что прямо связано как с ее природой, так и с зависимостью от условий употребления. Не менее важной продолжает оставаться и проблема установления конкретности и/или обобщенности лексического значения тюркского корня в целом и односложных корневых основ в частности. В трактовке указанных аспектов проблемы усматриваются две точки зрения, одна из которых считает семантическую структуру односложных корневых основ устойчивой, самостоятельной и конкретной, тогда как другие придерживаются иных точек зрения, что, естественно, уже не позволяет в категорической форме говорить о неизменности и устойчивости исследуемых корневых основ. Как позволяют судить факты изучаемых нами кыпчакских языков Урало-Поволжья в сравнении с данными других тюркских (в первую очередь – казахского) языков, изменения в смысловой структуре односложных корневых основ, начиная от небольших колебаний в оттенках значений и кончая переосмыслением их вплоть до образования антонимических противопоставлений, наблюдались во все времена и на всем протяжении их исторического развития. Тем не менее, по справедливому замечанию А. Т. Кайдарова [6], семантическая структура односложных корневых основ по сравнению с фономорфологической более устойчива, и именно она составляет в целом тот прочный фундамент и незыблемую основу базисной лексики тюркских языков, по которым определяются их целостность, монолитность.

В то же время, исходя из наших разысканий, а также выводов, сделанных другими исследователями, заметим, что корни, в том числе и односложные корневые основы, живут, а значения их в той или иной степени подвергаются затемнению. Причем это происходит довольно часто. Отсюда, на наш взгляд, правильной считается именно та семантическая характеристика односложных корневых основ в кыпчакских языках исследуемого региона, в которой учтена наряду с самостоятельностью лексических значений и их несамостоятельность (сравн.: [6]).

Не только в тюркологии, но и в индоевропеистике в связи с характеристикой семантической структуры односложных корневых основ (Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов, 1984) интерес представляет также и вопрос о появлении первоначально более общего, отвлеченного значения или, наоборот, подобное значение появилось позже, на основе конкретных, более точных. Принципиальность этого вопроса очевидна, и она более, как нам кажется, относится к тюркологическим исследованиям, в которых до последних лет [в частности, до издания четвертого тома Сравнительно-исторической грамматики: Лексика (М.: Наука, 1997. 799 с., а также см. на нее рецензию Хасан Ерена: *Turk Dili*, s. 579, Mart 2000, s. 281- 284)] проблема системного, тезаурусного подхода продолжала, кроме отдельных публикаций [20], оставаться вне внимания как отечественных, так и зарубежных тюркологов.

Минуя все научные споры и разногласия по этому поводу, вслед за А. Т. Кайдаровым [6] отметим, что направление развития семантической структуры тюркского корня, по нашему глубокому убеждению, шло от общего к частному, от отвлеченного к конкретному. Первоначальный корень сам по себе был воплощением понятия, которое по мере семантического и структурного развития подвергалось материализации, наполнялось содержанием и приобретало конкретное лексическое значение. Например, по утверждению исследователей, глаголы *кел*-«приходить», *кет*- «уходить», *кез*- «гулять», *кеш*- «переходить», *каш*- «убегать», *кiр*- «входить» и др. когда-то имели общий корень *ке- ~ *кi- ~ *ка- (Кононов, 1958). Семантически

связанный со всеми производными от него основами, он выражал нечто общее в своем значении, которое затем подверглось конкретизации в каждой из производных основ. Общим было, вероятно, (сравн.: [6]) всякое движение человека, которое своим содержанием не уточняло ни направления, ни характера, ни темпа этого движения.

Литература

1. Зайончковский А. К. К вопросу о структуре корня в тюркских языках: Глагольные основы моносиллабические (односложные) типы С+Г (согласный+гласный) // *ВЯ*. 1961. №2. С. 28–35.
2. Баскаков Н. А. *Часть I. Части речи и словообразования. Каракалпакский язык*. М., 1952.
3. Баскаков Н. А. *Предисловие к кн.: Котвич В. Исследование по алтайским языкам*. М., 1962. С. 17.
4. Мусаев К. М. Структура и семантика корня // *Лексикология тюркских языков*. М.: Наука, 1984. С. 82–105.
5. Баскаков Н. А. *Историко-типологическая морфология тюркских языков (структура слова и механизм агглютинации)*. М., 1979.
6. Кайдаров А. Т. *Структура односложных корней и основ в казахском языке*. Алма-Ата: Наука, 1986. 322 с.
7. Кормушин И. В. Лексико-семантическое развитие корня * qa= в алтайских языках // *Тюркская лексикология и лексикография*. М.: Наука, 1971. С. 9–29.
8. Севортыан Э. В. Морфологическое строение слова в связи с другими его характеристиками (по данным тюркских языков) // *Тюркологический сборник*. М., 1972. С. 132–134.
9. Манкеева Ж. А. *Реконструкция первичных корней глагольных основ казахского языка*. Алма-Ата: Гылым, 1991. 152 с.
10. Кононов А. Н. *Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII–IX вв.)* Л., 1980. 254 с.
11. Трубецкой Н. С. *Основы фонологии*. М.: Иностранная литература, 1960.
12. Рамстедт Г. И. *Введение в алтайское языкознание: морфология*. М.: Иностранной литературы, 1957. 253 с.
13. Щербак А. М. О морфологической структуре слов в тюркских языках // *Морфологическая структура слова в языках различных типов*. М., 1963. С. 267–270.
14. Харитонов Л. Н. *Типы глагольной основы в якутском языке*. М., 1954.
15. Юлдашев А. А. *К сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Т. 4: Лексика*. М., 1981. 73 с.
16. Юнусалиев Б. М. *Киргизская лексикология: развитие корневых слов. Часть I*. Фрунзе, 1959. 245 с.
17. Трубецкой Н. С. Некоторые соображения относительно морфонологии // *Пражский лингвистический кружок*. М.: Прогресс, 1967. С. 115–119.
18. Джалилов Ф. А. Морфология азербайджанского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. н. Баку, 1990. 38 с.
19. Кажобеков Е. З. *Глагольно-именная корреляция гомогенных корней в тюркских языках (явление синкретизма)*. Алма-Ата: Наука, 1986. 270 с.
20. Шайхулов А. Г. *Лексические взаимосвязи кыпчакских языков Урало-Поволжья в свете их историко-культурной общности (аспекты системно-идеографической характеристики на общетюркском фоне)*. Уфа, 1999. 244 с.
21. Дыйканова Ч. Структурные типы односложных корней и основ в киргизском языке: автореф. дис. ... канд. филол. н. М., 1987.
22. Мусаев К. М. О некоторых особенностях общеалтайских синкретичных корней // *Altaica. XIX PIAC. Helsinki*, 1977. С. 197–203.
23. Петров К. И. Опыт сравнительного словаря корней монголо-тюркских и других неродственных языков мира // *Тюркология-88: Тезисы докладов и сообщений V Всероссийской тюркологической конференции (7–9 сентября 1988 г.)*. Фрунзе: Илим, 1988. С. 137–139.
24. Тенишев Э. Р. О методах и источниках сравнительно-исторических исследований тюркских языков // *СТ*. 1973. №6. С. 119–124.
25. Тенишев Э. Р., Чеченов А. А., Кажобеков Е. З. *Глагольно-именная корреляция гомогенных корней в тюркских языках (явление синкретизма)*. Алма-Ата: Наука, 1986. 272 с.
26. Хабичев М. А. К структуре первичных корней в урало-алтайских языках // *Вопросы изучения языка и литературы народов Карачаево-Черкессии*. Черкесск, 1977.
27. Халиуллина Н. У., Шайхулов А. Г. *Тюркские языки Урало-Поволжья в контексте алтайского языкового сообщества (опыт лексико-семантического и идеографического словаря): Словарь*. Уфа: Восточный университет, 2003. Ч. I. 172 с.

28. Хусаинов К. Ш. *Звукоизобразительность в казахском языке*. Алма-Ата, **1988**. 226 с.
29. Шайхулов А. Г. *Структура и идеографическая парадигматика односложных корневых основ в кыпчакских языках Урало-Поволжья в континууме ареальной, межтюркской и общетюркской лексики [Синопсис, таксономия когнитивной сферы «Природа (неживая и живая)» в континууме обще- и межкультурной лексики]*. Уфа, **2000**. 490 с.
30. Шайхулов А. Г. *Структура и идеографическая парадигматика односложных корневых основ в кыпчакских языках Урало-Поволжья и Казахстана*. Астана: Тюркская академия, **2013**. 556 с.
31. Шайхулов А. Г. *Лингвокультурологическая картина мира как составляющая истории становления тюркоязычных народов Урало-Поволжья в контексте золотоордынской цивилизации (на материале исторической лексики: аспекты типологических и генетически контактных связей)*. Уфа: РИЦ БашГУ, **2013**. 267 с.

Поступила в редакцию 18.05.2016 г.

После доработки – 11.06.2016 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2016.3.2

**Aspects of studying the Turkic root and the characteristics
of types of monosyllabic root bases as a reflection of evolution
process in development of agglutinative
structure of the Turkic word form**

© A. G. Shaikhulov

Bashkir State University

32 Zaki Validi St., 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Email: almazufa2004@mail.ru

The aspects of establishment of monosyllabism (or non-monosyllabism) of the Turkic and Mongolian morpheme are directly connected with the characteristics regarding the dissoluble unit (or indissoluble unit) of mentioned root bases. In the present work the author uses the term “root bases” keeping in mind a big and transparent closeness of root morpheme to the base on the range of its features and structural accordance as in the Turkic as well as in Mongolian languages. As it is known in Turkic scientific researches in last two decades of the leaving age division of monosyllabic root bases (names and verbs) on to smaller lexical-grammatical ones are considered as relatively new statement of the problem that has been treated skeptically enough. The majority of scholars were convinced in the possibility of holding such operation of “splitting” for purposeful searching and ascertaining of convincing arguments. They came to conclusion that monosyllabic roots represented the category of historical one. It is supposed that everything that nowadays has removed in the researched Turkic languages of Ural-Volga region (as in all Altaic languages) into the “passive stock of lexical order” used to be active and viable. This phenomenon presents certain interest for studying the process of the historical development of root’s structure as in turkology, so in Altaic studies, in which all the researchers who systematically studied the structure of a root using big linguistic material recognize availability of “dead roots”. At the same tune, some researchers consider “dead ones” those root elements that are not used in the linguistic practice self-dependently other ones the same root elements that cannot be removed from the derivative basis.

Keywords: *root, root structure, stem, name stem, verb stem, monosyllabic root, root morpheme, root prototype, original roots, corpus of root bases, agglutinative languages.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Shaikhulov A. G. Aspects of studying the Turkic root and the characteristics of types of monosyllabic root bases as a reflection of evolution process in development of agglutinative structure of the Turkic word form // *Liberal Arts in Russia*. 2016. Vol. 5. No. 3. Pp. 265–283.

References

1. Zaionchkovskii A. K. *VYa*. 1961. No. 2. Pp. 28–35.
2. Baskakov N. A. *Chast' I. Chasti rechi i slovoobrazovaniya. Karakalpakskii yazyk [Part I. Parts of speech and word formation. The Karakalpak language]*. Moscow, 1952.
3. Baskakov N. A. *Predislovie k kn.: Kotvich V. Issledovanie po altaiskim yazykam [The foreword to the book: Kotwicz V. The study of the Altaic languages]*. Moscow, 1962. Pp. 17.
4. Musaev K. M. *Leksikologiya tyurkskikh yazykov*. Moscow: Nauka, 1984. Pp. 82–105.

5. Baskakov N. A. *Istoriko-tipologicheskaya morfologiya tyurkskikh yazykov (struktura slova i mekhanizm agglutinatsii)* [Historical-typological morphology of Turkic languages (structure of words and mechanism of agglutination)]. Moscow, **1979**.
6. Kaidarov A. T. *Struktura odnoslozhnykh kornei i osnov v kazakhskom yazyke* [The structure of monosyllabic roots and stems in Kazakh language]. Alma-Ata: Nauka, **1986**.
7. Kormushin I. V. *Tyurkskaya leksikologiya i leksikografiya*. Moscow: Nauka, **1971**. Pp. 9–29.
8. Sevortyan E. V. *Tyurkologicheskii sbornik*. Moscow, **1972**. Pp. 132–134.
9. Mankeeva Zh. A. *Rekonstruktsiya pervichnykh kornei glagol'nykh osnov kazakhskogo yazyka* [Reconstruction of original roots of the verb stems of the Kazakh language]. Alma-Ata: Gylym, **1991**.
10. Kononov A. N. *Grammatika yazyka tyurkskikh runicheskikh pamyatnikov (VII-IKh vv.)* [The grammar of the language of the Turkic runic inscriptions (7-9th centuries)]. Leningrad, **1980**.
11. Trubetskoi N. S. *Osnovy fonologii* [Basics of phonology]. Moscow: Inostrannaya literatura, **1960**.
12. Ramstedt G. I. *Vvedenie v altaiskoe yazykoznanie: morfologiya* [Introduction to Altai linguistics: morphology]. Moscow: Inostrannoi literatury, **1957**.
13. Shcherbak A. M. *Morfologicheskaya struktura slova v yazykakh razlichnykh tipov*. Moscow, **1963**. Pp. 267–270.
14. Kharitonov L. N. *Tipy glagol'noi osnovy v yakut-skom yazyke* [The types of the verb stem in the Yakut language]. Moscow, **1954**.
15. Yuldashev A. A. *K sravnitel'no-istoricheskoi grammatike tyurkskikh yazykov. Vol. 4: Leksika* [To comparative-historical grammar of Turkic languages. Vol. 4: Lexis]. Moscow, **1981**.
16. Yunusaliev B. M. *Kirgizskaya leksikologiya: razvitie kornevykh slov. Chast' I* [Kyrgyz lexicology: the development of the root words. Part I]. Frunze, **1959**.
17. Trubetskoi N. S. *Prazhskii lingvisticheskii krugozor*. Moscow: Progress, **1967**. Pp. 115–119.
18. Dzhaliilov F. A. *Morfologiya azerbaidzhanskogo yazyka: avtoref. dis. ... d-ra filol. n. Baku*, **1990**.
19. Kazhibekov E. Z. *Glagol'no-imennaya korrelyatsiya gomogenykh kornei v tyurkskikh yazykakh (yavlenie sinkretizma)* [Verbal-nominal correlation of homogeneous roots in Turkic languages (the phenomenon of syncretism)]. Alma-Ata: Nauka, **1986**.
20. Shaikhulov A. G. *Leksicheskie vzaimosvyazi kypchakskikh yazykov Uralo-Povolzh'ya v svete ikh istoriko-kul'turnoi obshchnosti (aspekty sistemno-ideograficheskoi kharakteristiki na obshchetyurkskom fone)* [The lexical relationship of the Kypchak languages of the Ural-Volga region in the light of their historical-cultural community (aspects of the system-ideographic characteristics in the common Turkic background)]. Ufa, **1999**.
21. Dyikanova Ch. *Strukturnye tipy odnoslozhnykh kornei i osnov v kirgizskom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. n. Moscow*, **1987**.
22. Musaev K. M. *Altaica. XIX PIAC*. Helsenki, **1977**. Pp. 197–203.
23. Petrov K. I. *Tyurkologiya-88: Tezisy dokladov i soobshchenii V Vserossiiskoi tyurkologicheskoi konferentsii (7–9 sentyabrya 1988 g.)*. Frunze: Ilim, **1988**. Pp. 137–139.
24. Tenishev E. R. *ST*. **1973**. No. 6. Pp. 119–124.
25. Tenishev E. R., Chechenov A. A., Kazhibekov E. Z. *Glagol'no-imennaya korrelyatsiya gomogenykh kornei v tyurkskikh yazykakh (yavlenie sinkretizma)* [Verbal-nominal correlation of homogeneous roots in Turkic languages (the phenomenon of syncretism)]. Alma-Ata: Nauka, **1986**.
26. Khabichev M. A. *Voprosy izucheniya yazyka i literatury narodov Karachaevo-Cherkessii*. Cherkessk, **1977**.
27. Khaliullina N. U., Shaikhulov A. G. *Tyurkskie yazyki Uralo-Povolzh'ya v kontekste altaiskogo yazykovogo soobshchestva (opyt leksiko-semanticheskogo i ideograficheskogo slovary): Slovar'* [Turkic languages of the Ural-Volga region in the context of the Altai linguistic community (development of lexical-semantic and ideographic dictionary): Dictionary]. Ufa: Vostochnyi universitet, **2003**. Ch. I.
28. Khusainov K. Sh. *Zvukoizobrazitel'nost' v kazakhskom yazyke* [Sound-imitativeness in the Kazakh language]. Alma-Ata, **1988**.
29. Shaikhulov A. G. *Struktura i ideograficheskaya paradigmatica odnoslozhnykh kornevykh osnov v kypchakskikh yazykakh Uralo-Povolzh'ya v kontinuumе areal'noi, mezhtyurkskoi i obshchetyurkskoi leksiki (Sinopsis, taksonomiya kognitivnoi sfery «Priroda (nezhivaya i zhivaya)» v kontinuumе obshche- i mezhkul'turnoi leksiki)* [Structure and ideographic paradigmatics of the monosyllabic root stems of the Kypchak languages of the Ural-Volga region in the continuum of areal, multi- and inter-Turkic lexis (Synopsis, taxonomy of cognitive sphere "Nature (inanimate and animate)" in the continuum of general and cultural lexis)]. Ufa, **2000**.

30. Shaikhulov A. G. *Struktura i ideograficheskaya paradigmatica odnoslozhnykh kornevykh osnov v kypchakskikh yazykakh Uralo-Povolzh'ya i Kazakhstana [Structure and ideographic paradigmatics of monosyllabic root stems of the Kypchak languages of the Ural-Volga region and Kazakhstan]*. Astana: Tyurkskaya akademiya, **2013**.
31. Shaikhulov A. G. *Lingvokul'turologicheskaya kartina mira kak sostavlyayushchaya istorii stanovleniya tyurko-yazychnykh narodov Uralo-Povolzh'ya v kontekste zolotoordynskoi tsivilizatsii (na materiale istoricheskoi leksiki: aspekty tipologicheskikh i geneticheskikh kontaktnykh svyazei) [Linguoculturological picture of the world as a part of the formation history of the Turkic peoples of the Ural-Volga region in the context of the Golden Horde civilization (on the material of the historical lexis: aspects of typological and genetic contact bonds)]*. Ufa: RITs BashGU, **2013**.

Received 18.05.2016.

Revised 11.06.2016.